

Observatoire ARGA

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

**D-19. Признание и исполнение
иностраннных судебных решений**

Россия, Европейский союз и Великобритания

Автор:

Сергей Храбрых - президент ARGА, PhD

Организация: Observatoire ARGА

Адрес для корреспонденции: 21 rue de l'Aviation, 64600 Anglet, France

Контакты: info@argaobservatory.org, +33 7 58 49 62 27

Сайт: www.argaobservatory.org

24 сентября 2026 года

Содержание

1. Основные выводы	3
2. Предмет и развитие исследования 2019-2025 годов	4
3. Доказательная база и ограничения статистики	5
4. Признание, исполнение и фактическое взыскание	6
5. Выбор применимого режима	7
6. Гаагская конвенция 2019 года: значение нового охвата	8
7. Временная применимость и юрисдикционные основания	9
8. Основания отказа и пределы повторной проверки	10
9. Обращение решений внутри Европейского союза	11
10. Англия и Уэльс после Brexit	12
11. Российская модель признания иностранных решений	13
12. Публичный порядок: защита основ или пересмотр спора	14
13. Извещение и реальная возможность защиты	15
14. Статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ	16
15. «Уралтрансмаш»: мотивировка и фактический исход	17
16. UniCredit: договорная юрисдикция и пределы защиты	18
17. ЕС: расширение запрета признания в июле 2026 года	19
18. Санкционная связь и защита от обхода	20
19. Euroclear: развитие спора в 2026 году	21
20. Имущество, иммунитет и права третьих лиц	22
21. Документы и доказуемость условий признания	23
22. Сопоставление правовых ситуаций	24
23. Контраргументы и пределы вывода о фрагментации	25
24. Заключение	26
25. Источники	27

1. Основные выводы

Международное обращение судебных решений в 2026 году развивается одновременно в двух направлениях. Гаагская конвенция 2019 года расширяет договорную основу признания решений по гражданским и коммерческим делам. Вместе с тем санкционные нормы и конкурирующие притязания национальных судов на исключительную компетенцию ограничивают обращение отдельных категорий решений. Эти процессы не отменяют друг друга: один и тот же правовой порядок может упрощать исполнение обычного договорного решения и запрещать признание другого решения, связанного с санкционным спором. [2-5, 13-14]

Для оценки конкретного требования необходимо различать три результата: признание правовых последствий иностранного решения, получение возможности его принудительного исполнения и фактическое взыскание. Первый результат не всегда предполагает второй, а второй не гарантирует третий. Отсутствие доступного имущества, права третьих лиц, иммунитет и ограничения распоряжения активами могут препятствовать взысканию после завершения производства о признании. Поэтому число удовлетворённых заявлений характеризует работу определённого процессуального механизма, но само по себе не измеряет экономическую эффективность судебной защиты.

Российское направление остаётся центральным для настоящего исследования. Статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ позволяют в предусмотренных законом обстоятельствах перенести спор в российскую юрисдикцию и запретить стороне продолжать иностранное разбирательство. Однако часть 5 статьи 248.1 прямо сохраняет возможность признания решения, вынесенного по иску защищаемого этой статьёй лица либо при отсутствии его возражений против иностранного процесса. Конструкция закона сложнее тезиса о всеобщем запрете иностранных решений из определённой группы государств. [6]

Значимое изменение нового среза связано с июльскими регламентами ЕС 2026 года. Обновлённая статья 11с Регламента № 833/2014 и новая статья 11с Регламента № 269/2014 охватывают определённые российские судебные и административные решения по санкционно затронутым отношениям, включая решения, основанные на иных нормах российского права, а не только на статьях 248.1 и 248.2 АПК РФ. При этом сохраняются условия, относящиеся к защищаемому лицу и связи требования с соответствующими ограничительными мерами. [13-14]

Главный аналитический вывод состоит в том, что исполнимость определяется сочетанием применимого режима, времени начала процесса, основания международной компетенции, качества процедуры и расположения имущества. Происхождение решения имеет значение в предусмотренных законом случаях, но не заменяет эту проверку. Материалы исследования подтверждают существование механизмов правовой фрагментации; они не позволяют вывести достоверную общую вероятность признания российских или иностранных решений в 2026 году.

2. Предмет и развитие исследования 2019-2025 годов

Доклад продолжает исследование Сергея Храбрых «Политико-правовая трансформация признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений в Российской Федерации (2019-2025)», опубликованное Observatoire ARGa 16 декабря 2025 года. Предшествующая публикация сохраняет значение самостоятельного исторического среза. Настоящая работа развивает поставленный в ней вопрос о влиянии санкционного конфликта на обращение решений, уточняет пределы статистических выводов и добавляет нормативные и процессуальные изменения, доступные к 24 сентября 2026 года. [1]

Основной предмет нового анализа - решения государственных судов по гражданским и коммерческим делам. Иностранные арбитражные решения рассматриваются там, где без них невозможно объяснить предыдущую исследовательскую линию, разграничить применимые договоры или проследить конфликт юрисдикций. Российский арбитражный суд является государственным судом; международный коммерческий арбитраж представляет иной способ разрешения спора. Совпадение слова «арбитраж» в русском языке не создаёт единого режима признания и не позволяет объединять соответствующие категории дел без отдельного обоснования.

Сравнительный контекст включает российское право, право Европейского союза и право Англии и Уэльса. Ссылки на Великобританию используются применительно к её участию в международных договорах и общегосударственным актам. Выводы об английском общем праве не распространяются автоматически на Шотландию и Северную Ирландию. Аналогично, режим обращения решений внутри ЕС не отождествляется с национальными правилами признания решений из третьих государств. Такая территориальная точность необходима для сопоставления юридически различных процедур. [5, 17]

Временной срез означает состояние доступной доказательной базы на указанную дату, а не полный итог календарного 2026 года. Отдельно учитываются дата принятия нормы, её вступление в силу и переходные положения. Судебное решение, опубликованное после вступления международного договора в силу, может относиться к процессу, начатому раньше, и потому не подпадать под новый режим. Напротив, старый договор сторон может породить новое разбирательство, для которого применимы более поздние процессуальные правила. [2, 12]

История исследования сохраняется через точную ссылку на исходную публикацию и разграничение её выводов с результатами нового анализа. Ранее сформулированная гипотеза о политико-правовой селективности проверяется, а не принимается как установленный факт для каждого последующего дела. Обновление исследования требует возможности сузить прежний вывод, если его доказательная база не позволяет более сильного утверждения. Именно такой подход обеспечивает сопоставимость работ без механического воспроизведения неподтверждённых показателей.

3. Доказательная база и ограничения статистики

В исходной работе за 2019-2025 годы приведены агрегированные показатели рассмотрения заявлений, однако опубликованный PDF не содержит построчного перечня дел, полного описания поиска и правил разрешения неоднозначностей. Для 2025 года использован восьмимесячный период. Поэтому прежние значения не включаются здесь в новый ряд проверенной судебной статистики. Их наличие в авторском докладе подтверждает содержание предыдущего исследования, но не заменяет первичные карточки дел и судебные акты, необходимые для независимого воспроизведения расчётов. [1]

Сопоставление неполного периода с полным годом может показать изменение числа наблюдений, но не устанавливает сопоставимую годовую динамику. Простое умножение восьмимесячного значения на коэффициент до полного года также не решает проблему: подача заявлений, сроки рассмотрения и публикация актов могут иметь сезонность. Дополнительно неясно, одинаково ли в разные годы учитывались прекращение производства, возвращение заявления, частичное удовлетворение и повторное обращение после устранения недостатков. Каждая из этих категорий меняет смысл знаменателя.

Статистика первой инстанции отличается от статистики окончательных исходов. Один спор способен породить несколько определений, кассационных постановлений и решений после нового рассмотрения. Подсчёт документов вместо уникальных споров искусственно увеличивает объём выборки. Напротив, учёт только последнего доступного акта может скрыть существенный период неопределённости. Для анализа правовой устойчивости необходима цепочка движения дела, а для оценки признания на конкретную дату - заранее установленное правило определения его текущего процессуального состояния.

Доля удовлетворённых заявлений зависит и от отбора споров самими взыскателями. Если кредиторы с наиболее трудными требованиями перестают обращаться в определённую юрисдикцию, процент признания среди оставшихся заявлений способен повыситься при ухудшении общей доступности защиты. Снижение числа дел допускает несколько объяснений: изменение торговых потоков, отсутствие имущества, мировые соглашения, стоимость процесса или ожидание отказа. Без дополнительных данных невозможно установить вклад каждого фактора и приписать всю динамику одному санкционному механизму.

В настоящем докладе нормативный анализ и разбор документированных дел используются для выявления правовых механизмов, а не для оценки их частоты во всей совокупности споров. Сообщения участников процесса выделяются как заявления заинтересованных источников. Там, где полный судебный акт не доступен, анализ ограничивается подтверждаемым процессуальным событием. Отсутствие полной статистики не исключает содержательного вывода о существовании нового запрета или изменении юрисдикционного подхода, но ограничивает выводы о распространённости и причинности.

4. Признание, исполнение и фактическое взыскание

Признание означает допущение правовых последствий иностранного судебного акта в другом государстве. Оно может требоваться для возражения против повторного рассмотрения спора, подтверждения установленного правоотношения или последующего принудительного исполнения. В зависимости от применимого режима признание осуществляется без специального производства либо становится самостоятельным предметом судебной проверки. Отсутствие необходимости предварительного разрешения не означает отсутствия права заинтересованной стороны заявить предусмотренные законом возражения. Внутри ЕС это различие прямо отражено в Регламенте № 1215/2012. [5, ст. 36, 45]

Приведение в исполнение относится к возможности использовать государственное принуждение. В одних режимах требуется отдельное разрешение, в других оно заменено представлением установленных документов. Само исполнение, как правило, подчиняется процедуре государства, где осуществляется взыскание, с учётом специальных международных правил. Гаагская конвенция 2019 года не унифицирует полностью национальное исполнительное производство: статья 13 оставляет процедуру признания, регистрации и исполнения национальному праву, если Конвенцией не предусмотрено иное. [2]

Фактическое взыскание представляет имущественный результат. Для него требуется актив, принадлежащий надлежащему должнику, допустимый объект взыскания и осуществимая исполнительная мера. Наличие у корпоративной группы активов не доказывает наличие активов у конкретного ответчика. Имущество дочернего общества нельзя считать имуществом материнской компании только в силу контроля. Отдельное правовое основание требуется и для привлечения к ответственности лица, которое не было участником первоначального процесса. Иначе признание превращалось бы в недопустимое расширение круга должников.

Замораживание актива также не тождественно обеспечению частного требования. Санкционный запрет распоряжения может сохранять имущество, но не создаёт автоматически преимущество конкретного взыскателя и не разрешает передачу ему средств. Судебное решение о долге, санкционное разрешение на операцию и исполнительный акт решают разные вопросы. Ошибка возникает, когда из действительности одного документа выводят наличие всех остальных полномочий. Аналитически эти стадии должны сохранять самостоятельное значение даже тогда, когда они рассматриваются в одном производстве.

Разделение результатов особенно важно для оценки международных конфликтов. Российское решение против иностранного депозитария способно иметь значение для имущества в России, но его действие в государстве местонахождения депозитария определяется другим правопорядком. Английский запрет стороне вести иностранный процесс может быть юридически обязательным для адресата, но оказаться практически малоэффективным, если

доступные механизмы принуждения находятся в другой стране. Дело UniCredit показывает именно эту разницу между правовой обоснованностью защиты и её фактической полезностью. [10-11]

5. Выбор применимого режима

Применимый режим определяется не одним признаком иностранного происхождения. Значение имеют государство вынесения решения, государство исполнения, предмет спора, дата начала производства и наличие специального соглашения сторон. Внутри ЕС для охватываемых гражданских и коммерческих дел действует Регламент № 1215/2012. Между участниками соответствующих договоров могут применяться Гаагские конвенции 2005 и 2019 годов. За пределами их сферы сохраняются национальные правила и иные применимые международные соглашения. [2, 4-5]

Гаагская конвенция 2005 года связана с исключительными соглашениями о выборе суда. Конвенция 2019 года охватывает более широкий круг оснований для обращения решений, но содержит собственные исключения и условия. Ни одна из них не является универсальным договором о любых иностранных актах. Семейные вопросы, банкротство, некоторые корпоративные вопросы и иные категории исключены в объёме, установленном конкретным текстом. Для вывода о применимости недостаточно того, что стороны называют спор коммерческим. [2, ст. 1-3; 4, ст. 1-4]

Международный коммерческий арбитраж регулируется отдельными инструментами, прежде всего Нью-Йоркской конвенцией 1958 года. Государственное решение о признании арбитражного решения не превращает исходное требование автоматически в обычное судебное решение, свободное от арбитражных исключений других режимов. Квалификация требует исследования содержания судебного акта и соответствующего договора. Возможность дальнейшего обращения такого акта не выводится только из его государственного происхождения, иначе специальные ограничения можно было бы обходить промежуточной судебной процедурой. [2, ст. 2(3); 4, ст. 2(4); 18]

Наличие нескольких потенциально применимых инструментов не означает свободу произвольно сочетать наиболее удобные положения каждого из них. Правила о соотношении договоров, их предметной сфере и национальном праве определяют допустимый путь. Статья 15 Конвенции 2019 года сохраняет признание по национальному праву с оговоркой о статье 6; статья 23 регулирует её взаимодействие с иными международными инструментами. Следовательно, отсутствие конвенционного основания иногда оставляет национальный путь, но не даёт права игнорировать исключительную норму о недвижимости. [2]

Санкционные правила добавляют к этой конструкции самостоятельную проверку. Наличие обычного процессуального основания для признания не отменяет специального применимого запрета. Обратное также верно: отсутствие конкретного санкционного запрета не освобождает взыскателя от требований базового режима. Поэтому юридический анализ последовательно устанавливает правовое основание обращения решения, допустимые

возражения и влияние ограничительных мер. Смешение этих вопросов ведёт либо к необоснованной автоматизации признания, либо к столь же необоснованному всеобщему отказу.

6. Гагская конвенция 2019 года: значение нового охвата

Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или коммерческим делам вступила в силу 1 сентября 2023 года. Для Великобритании соответствующая дата - 1 июля 2025 года. Доступная таблица НССН также указывает вступление в силу для Албании и Черногории 1 марта 2026 года, для Андорры - 1 июня 2026 года. Эти даты показывают расширение договорной системы, но не заменяют проверку её действия между конкретными государствами и применимых заявлений. [2-3]

Российская Федерация указана в доступной таблице как подписавшая Конвенцию 17 ноября 2021 года; сведения о ратификации и вступлении в силу для России в ней отсутствуют. Подписание не позволяет применять конвенционный механизм так, как если бы Россия уже была связана обязательством признавать решения по его правилам. Точно так же наличие государства в перечне подписантов нельзя включать в число действующих направлений исполнения без проверки последующих юридических действий. В докладе не используется суммарное число участников как показатель универсальности режима. [3]

Основное значение Конвенции заключается в общих условиях обращения решений и ограниченном перечне оснований отказа. При её применимости суд запрашиваемого государства не должен пересматривать спор по существу. Однако он проверяет конвенционные условия, включая предусмотренную связь суда происхождения со спором, действие решения в государстве происхождения и отсутствие релевантных препятствий. Это уменьшает повторное рассмотрение материального требования, сохраняя защиту от процессуально дефектного или юрисдикционно неприемлемого результата. [2, ст. 4-7]

Конвенционная система не воспроизводит полностью внутренний режим ЕС. В частности, она не отменяет все национальные формальности исполнения и не распространяется на временные обеспечительные меры как на решения по существу. Исключены арбитраж и связанные с ним производства. Отдельно сохраняются привилегии и иммунитеты государств и международных организаций. Поэтому расширение участия нельзя описывать как появление единого мирового исполнительного пространства, в котором любое выигранное дело автоматически открывает доступ к активам ответчика. [2, ст. 2-3, 13]

Доступная статусная таблица НССН содержит собственную дату последнего обновления; её данные здесь используются для конкретных подтверждённых дат, а не как доказательство отсутствия любых последующих изменений во всех странах. Для содержания нового среза достаточно более узкого вывода: к рассматриваемому периоду Конвенция создала дополнительный договорный путь для охватываемых споров с британским направлением. Реальная значимость этого пути зависит от начала конкретного производства и характера требования, что требует самостоятельного рассмотрения.

7. Временная применимость и юрисдикционные основания

Статья 16 Гаагской конвенции 2019 года связывает её применение с моментом возбуждения производства в государстве происхождения. На эту дату Конвенция должна действовать между государством происхождения и государством, где испрашивается признание. Поэтому решение английского суда, принятое в 2026 году по делу, начатому до 1 июля 2025 года, не получает конвенционный режим лишь в силу даты вынесения. Оно может обращаться по другому применимому основанию, но временной дефект нельзя устранить переименованием заявления. [2-3]

Этот вопрос отличается от даты заключения договора и даты возникновения задолженности. Старое материальное отношение может стать предметом нового процесса после вступления Конвенции в силу. Обратно, длительное дело, начатое ранее, остаётся за пределами соответствующего переходного правила даже после нескольких судебных инстанций. При присоединении новых государств возникает такая же необходимость сопоставить две правовые системы и конкретную временную последовательность. Конвенционная применимость устанавливается для направления исполнения, а не для решения в отвлечённом виде.

Статья 5 предусматривает несколько оснований, при наличии которых решение может претендовать на признание: обычное место жительства ответчика, определённая связь с филиалом, согласие на компетенцию, участие в рассмотрении по существу без своевременного оспаривания юрисдикции и другие предусмотренные связи. Они служат фильтрами на стадии обращения решения. Это не тождественно правилам, непосредственно разрешающим суду происхождения рассматривать дело: национальная компетенция может быть шире набора связей, достаточных для конвенционного исполнения за рубежом. [2]

Для потребителей и работников предусмотрены специальные ограничения использования ряда оснований. Конвенция не позволяет безусловно переносить коммерческую логику согласия и участия на стороны, нуждающиеся в дополнительной защите. Отдельные правила действуют для недвижимости: статья 6 связывает признание решений о вещных правах на недвижимость с её нахождением в государстве происхождения. Поэтому формула «суд был компетентен по собственному праву» не завершает исследование международной исполнимости. [2, ст. 5(2)-(3), 6]

В условном примере компания проигрывает спор в государстве, с которым её связывал только выбранный истцом способ вручения документов. Законность такого вручения ещё не означает наличия предусмотренной Конвенцией юрисдикционной связи. В другом условном примере ответчик имеет обычное место нахождения в государстве происхождения, но решение получено без реальной возможности защиты. Здесь связь с юрисдикцией может существовать, а процессуальное основание отказа - сохраняться. Эти примеры показывают независимость двух проверок и не описывают конкретные судебные дела.

8. Основания отказа и пределы повторной проверки

В Гаагской конвенции 2019 года основания отказа включают дефекты извещения, получение решения посредством обмана, явную несовместимость с публичным порядком, нарушение определённых соглашений о выборе суда и несовместимость с другими решениями. Для некоторых параллельных производств допускаются отложение или отказ при дополнительных условиях. Перечень организован вокруг легитимности обращения результата, а не вокруг нового рассмотрения того, правильно ли суд разрешил материальный спор. [2, ст. 7]

Запрет пересмотра по существу не исключает исследования фактов, необходимых для применения конвенционных оснований. Суду может потребоваться установить, когда документы были вручены, какое именно требование рассмотрено, совпадают ли стороны и предмет другого процесса. Однако такая проверка функционально ограничена. Если возражение сводится к иному толкованию договора или новой оценке коммерческой переписки, оно не становится процессуальным дефектом только потому, что сформулировано через публичный порядок. [2, ст. 4(2)]

Действие решения и его исполнимость также различаются. Конвенция допускает признание только решения, имеющего действие в государстве происхождения, и исполнение - только решения, исполнимого там. Если продолжается пересмотр либо не истёк срок обычного обжалования, возможны предусмотренные статьёй 4 последствия. При этом такой отказ не всегда означает окончательное закрытие конвенционного пути: после изменения процессуального положения допускается новое обращение. Поэтому формальное обозначение решения как окончательного требует содержательной проверки. [2, ст. 4(3)-(4)]

Конвенция предусматривает делимость части решения и специальное отношение к суммам, не компенсирующим действительный ущерб. Наличие проблемного элемента не обязательно уничтожает возможность признания остального требования. Но отделение должно быть юридически осуществимым: суд исполнения не получает полномочие произвольно переписать присуждение. Статья 10 требует также учитывать, в какой мере соответствующая сумма покрывает расходы процесса. Один ярлык «штрафные убытки» не заменяет анализа функции выплаты. [2, ст. 9-10]

С практической точки зрения граница контроля проходит между проверкой допустимости иностранных правовых последствий и повторным разрешением спора. Слишком узкий контроль оставляет без защиты сторону, реально лишённую участия. Слишком широкий делает первоначальное разбирательство предварительным этапом нового полноценного процесса за рубежом. Конвенционная модель стремится избежать обоих результатов. Эффективность этой конструкции зависит от мотивированного применения конкретного основания, а не от общего доверия или недоверия к стране происхождения.

9. Обращение решений внутри Европейского союза

Регламент № 1215/2012 устанавливает для охватываемых решений государств-членов признание без специальной процедуры и исполнение без предварительного объявления исполнимости. Такая архитектура уменьшает число промежуточных производств, но не устраняет условия исполнения. Взыскатель представляет необходимые документы, включая копию решения и предусмотренное Регламентом свидетельство. Для должника сохраняются основания и процедура обращения за отказом в признании или исполнении. Отмена экзекватуры поэтому означает изменение распределения процессуальных действий, а не исчезновение судебного контроля. [5, ст. 36, 39, 42-46, 53]

Основания отказа включают явное противоречие публичному порядку, определённые нарушения извещения при заочном решении, несовместимость с другими решениями и нарушение охраняемых Регламентом правил компетенции. При этом общая повторная проверка компетенции суда происхождения ограничена, а пересмотр решения по существу запрещён. В этой системе особенно важно не подменять специальное основание публичным порядком для обхода установленного ограничения контроля. Пределы проверки являются частью самого механизма взаимного признания. [5, ст. 45, 52]

Заочное решение не является автоматически неприемлемым. Существенно, был ли документ, которым начато производство, вручён ответчику своевременно и таким образом, чтобы он мог организовать защиту, а также имелась ли предусмотренная нормой возможность оспаривания решения. Это предполагает оценку конкретной процессуальной ситуации. Добровольное неучастие извещённой стороны отличается от невозможности узнать о деле. Равным образом сама отметка о направлении письма ещё не отвечает на все вопросы о соблюдении гарантий. [5, ст. 45(1)(b)]

Регламент не создаёт общего режима для российских, американских или иных решений из третьих государств только потому, что у должника есть активы в ЕС. Для таких решений применимость международного договора либо национального права устанавливается отдельно. Принадлежность взыскателя к государству-члену также не превращает акт суда третьей страны в европейское решение. Критерии происхождения акта, предмета спора и применимости режима необходимо рассматривать отдельно, иначе сравнительный анализ смешивает принципиально различные маршруты.

Модель ЕС показывает, что высокая степень интеграции возможна без отказа от фундаментальных процессуальных гарантий. Однако она основана на специальном правовом инструменте и не может служить доказательством существования общего международного обязательства признавать любое иностранное решение. Для российского направления особенно существенны дополнительные санкционные нормы: они действуют в собственной сфере и требуют самостоятельной квалификации. Вывод об исполнимости не исчерпывается ссылкой на благоприятное отношение европейского права к трансграничной судебной защите.

10. Англия и Уэльс после Brexit

Для британского направления существуют несколько временных и нормативных слоёв. Переходные положения соглашения о выходе сохраняют соответствующие прежние правила для определённых производств, начатых до окончания переходного периода. Для более поздних дел значение имеют Гагская конвенция 2005 года, с 1 июля 2025 года - Конвенция 2019 года в её сфере, а также национальные механизмы. Поэтому утверждение, что после Brexit все решения исполняются исключительно по общему праву, столь же неточно, как предположение о полном сохранении прежней системы ЕС. [2-4, 17]

Соглашение об исключительном выборе суда требует отдельной квалификации. Конвенция 2005 года содержит определение такого соглашения, требования к форме и исключения по предмету. Выбор применимого материального права не равнозначен выбору суда. Арбитражная оговорка, в свою очередь, не является соглашением о государственном суде. Даже внешне сходные положения договора могут вести к разным режимам международного обращения результата. Содержание соглашения имеет значение наряду с датой и кругом государств-участников. [4]

В отсутствие применимого договорного или регистрационного механизма английское общее право сохраняет самостоятельную роль. Для его анализа важно различать компетенцию иностранного суда по его собственному законодательству и компетенцию, признаваемую английским правом для целей исполнения. Решение Верховного суда по делу *Rubin v Eurofinance* подтверждает значимость обычных правил международной компетенции и не допускает их обхода лишь вследствие связи решения с иностранным банкротством. Настоящий доклад использует этот акт для указанного ограниченного вывода, а не как исчерпывающий справочник английского исполнительного права. [20]

Подчинение иностранной юрисдикции может иметь существенные последствия. Участие в процессе по существу и явка исключительно для оспаривания компетенции не должны автоматически приравниваться друг к другу. Точное значение процессуального поведения определяется применимым режимом и соответствующими нормами. Это объясняет, почему оценка признания требует изучения не только итогового решения, но и того, какие возражения сторона заявляла и в каком качестве участвовала в исходном разбирательстве.

Расширение договорного пути через Конвенцию 2019 года повышает предсказуемость для охватываемых новых дел, но не устраняет историческую неоднородность портфеля требований. В 2026 году два внешне одинаковых английских решения могут обращаться по разным основаниям из-за различной даты начала производства. Правовая оценка должна сохранять эту временную детализацию. Нельзя переносить положительный опыт исполнения одного решения на другое без проверки того, совпадают ли применимый инструмент, юрисдикционная связь и доступные основания отказа.

11. Российская модель признания иностранных решений

Статья 241 АПК РФ связывает признание и приведение в исполнение решений иностранных судов по экономическим спорам с международным договором Российской Федерации и федеральным законом. Процедура регулируется главой 31 Кодекса. Это означает необходимость установить конкретное правовое основание, а не ссылаться на международную вежливость как на универсальный и самодостаточный ответ. Вопросы взаимности и обращения решений при отсутствии специального договора требуют анализа конкретной судебной практики и не сводятся к общему обещанию исполнения любого акта. [6]

Статья 244 перечисляет основания отказа для иностранных судебных решений: отсутствие вступления в законную силу по праву государства происхождения, нарушение возможности защиты, исключительная компетенция российского суда, наличие несовместимого российского решения или более раннего российского производства, истечение срока и противоречие публичному порядку. Для иностранных арбитражных решений Кодекс отдельно отсылает к соответствующему законодательству и международному договору. Уже структура нормы препятствует механическому объединению двух режимов. [6, ст. 244]

Проверка исключительной компетенции имеет собственное основание и не нуждается в обязательном переименовании в публичный порядок. Постановление Пленума Верховного суда № 23 от 27 июня 2017 года разъясняет международную компетенцию российских арбитражных судов и значение её исключительного характера. При этом исторический акт должен читаться с учётом последующего появления статей 248.1 и 248.2. Нельзя использовать прежний перечень так, как будто законодательная конструкция после 2020 года осталась неизменной. [6-7]

Само участие иностранного лица в процессе не лишает его права на судебную защиту. Пленум № 23 исходит из конституционных гарантий доступа к правосудию участников международных экономических отношений. В аналитическом отношении это существенно: напряжённость международных отношений не заменяет нормативное основание для отказа в конкретном требовании. Если утверждается, что практика отстает от этой модели, доказательством должны выступать содержание актов и последовательность их применения, а не только общая политическая характеристика периода. [7]

Российская модель допускает отказ полностью или в части в предусмотренных законом обстоятельствах. Поэтому итог дела нельзя всегда кодировать единственным бинарным признаком без потери содержания. Признание основного долга при отказе в дополнительном требовании отличается и от полного отказа, и от полного удовлетворения. Для правового анализа важна мотивировка разделения, а для статистики - единое правило кодирования. Без этого сравнение процентов между периодами способно отражать различие исследовательских решений вместо изменения судебной практики.

12. Публичный порядок: защита основ или пересмотр спора

Оговорка о публичном порядке предназначена для защиты фундаментальных начал правопорядка, а не для устранения любых различий между иностранным и национальным правом. Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 156 от 26 февраля 2013 года содержит разграничения, сохраняющие методологическое значение: отсутствие в российском праве аналога применённой иностранной нормы само по себе не делает исполнение неприемлемым, а проверка публичного порядка не должна превращаться в пересмотр иностранного решения по существу. [8]

В приведённых в обзоре ситуациях суды различают действительные фундаментальные нарушения и дефекты, не затрагивающие существа защиты. Незначительная опечатка не равнозначна такому нарушению. Напротив, установленный коммерческий подкуп при заключении договора может иметь принципиальное значение для оценки последствий исполнения. Эти примеры показывают, что публичный порядок требует связи между доказанным обстоятельством и конкретным недопустимым правовым результатом. Само употребление оценочных слов «несправедливость» или «неприемлемость» такой связи не создаёт. [8]

Независимость и беспристрастность органа разрешения спора относятся к качеству процедуры. Однако для анализа необходимо различать индивидуальные обстоятельства зависимости и предположения, основанные только на гражданстве, месте нахождения института или политике государства. В настоящем исследовании не выводится универсальная презумпция недобросовестности иностранного суда из санкционного режима. Если конкретный акт использует подобную аргументацию, пределы его правовой позиции должны устанавливаться по тексту решения, а не по пересказу общего направления практики.

Санкционное ограничение может затрагивать публичный порядок, но для некоторых отношений законодатель устанавливает прямой специальный запрет признания. Эти механизмы нельзя смешивать. В первом случае суд оценивает фундаментальную несовместимость в пределах применимого режима. Во втором он проверяет условия императивной нормы. Если прямой запрет не применим, это не доказывает автоматически соответствие публичному порядку; если применим, отсутствие обычного процессуального дефекта само по себе не устраняет его действие. [13-14]

Риск чрезмерно широкого использования оговорки состоит в снижении предсказуемости: материальный спор фактически рассматривается повторно под иным названием. Противоположный риск - формальное признание решения при доказанном лишении защиты или коррупционном основании. Содержательный баланс обеспечивается не общей декларацией доверия, а объяснением того, какое фундаментальное правило нарушено, какими фактами это подтверждено и почему признание конкретного результата воспроизвело бы нарушение. Такая мотивировка позволяет отличить правовую защиту от произвольной селекции.

13. Извещение и реальная возможность защиты

Надлежащее извещение относится к наиболее предметным основаниям проверки иностранного решения. Значение имеет не только формальное направление документа, но и соблюдение применимого порядка, содержание извещения и достаточность времени для защиты. Гаагская конвенция 1965 года регулирует передачу документов для вручения за границей в своей сфере, предусматривая центральные органы и иные допустимые каналы. Возможность использовать конкретный канал зависит, в частности, от заявлений соответствующего государства. Нельзя считать электронное письмо или почтовую отставку универсальной заменой всех международных процедур. [19]

Режим вручения и режим признания связаны, но не совпадают. Соблюдение первого не разрешает автоматически все вопросы второго; установленный недостаток также оценивается в рамках применимого основания отказа. Конвенция 2019 года отдельно учитывает достаточность уведомления для организации защиты и несовместимость способа вручения в запрашиваемом государстве с его фундаментальными принципами. Статья 244 АПК РФ связывает отказ не только с извещением, но и с другими причинами невозможности представить объяснения. [2, ст. 7(1)(a); 6]

Санкционные ограничения могут создавать реальные препятствия для оплаты представителя, передачи материалов или участия в слушании. Однако причинная связь требует конкретизации. Отказ одного банка не доказывает невозможность любых разрешённых платежей; наличие теоретической альтернативы, напротив, не доказывает её доступность в срок. Для содержательной оценки существенны даты обращений, характер ограничений, ответы соответствующих организаций и процессуальная реакция суда. Эти факты позволяют отличить действительное лишение защиты от общей ссылки на неблагоприятную внешнюю среду.

Неучастие стороны допускает разные объяснения. Оно может быть следствием отсутствия информации, объективного препятствия, осознанного отказа защищаться или тактического решения оспаривать результат позднее. Режимы признания по-разному учитывают своевременность возражений и возможность обжалования в государстве происхождения. Поэтому заключение о нарушении не должно строиться лишь на отсутствии представителя в заседании. Столь же недостаточно утверждать, что профессиональная компания всегда могла защититься, независимо от документированных препятствий.

Качество процессуального контроля проявляется в проверяемой мотивировке. Суд исполнения должен установить релевантный дефект в пределах своих полномочий, не заменяя исходное разбирательство новым материальным спором. Рассмотрение возражения о недоступности защиты не требует заново определять цену поставки, но может требовать исследования отказов в отсрочке и доказательств извещения. В таком разграничении право быть выслушанным сохраняет самостоятельное значение и не становится ни формальностью, ни универсальным способом затягивания взыскания.

14. Статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ

Статья 248.1 устанавливает специальную конструкцию исключительной компетенции по спорам с участием определённых лиц, затронутых иностранными ограничительными мерами, и по предусмотренным нормой санкционным основаниям спора. Закон одновременно учитывает международные договоры и соглашения сторон. Часть 4 распространяет механизм на ситуацию, когда соглашение об иностранном суде или арбитраже неисполнимо из-за ограничительных мер, создающих препятствия доступу к правосудию. Поэтому текст закона содержит как защитную цель, так и условия её процессуального осуществления. [6]

Статья 248.2 позволяет обратиться за запретом инициировать или продолжать соответствующее иностранное разбирательство. Адресатом запрета выступает лицо, участвующее в споре; российский суд не становится вышестоящей инстанцией иностранного суда. По требованию заявителя может присуждаться денежная сумма на случай неисполнения запрета. Закон связывает её с принципами справедливости и соразмерности и устанавливает предел, соотносимый с иностранными исковыми требованиями и судебными расходами. Это самостоятельный механизм принуждения, а не обычное взыскание исходного договорного долга. [6]

Часть 5 статьи 248.1 принципиальна для оценки последующего признания. Она сохраняет возможность исполнения решения, принятого по иску защищаемого лица либо при отсутствии его возражений против рассмотрения спора иностранным судом или арбитражем. Соответствующее исключение отражено и в статье 244. Эта норма не гарантирует признание: другие основания отказа могут сохраняться. Но она опровергает представление, будто применение санкций к участнику автоматически делает любой иностранный результат юридически недопустимым в России. [6]

Международная эффективность запрета зависит от правопорядка, в котором предполагается реализовать его последствия. Иностранный суд самостоятельно определяет собственную компетенцию и допустимость признания российского акта. Денежное присуждение за нарушение запрета также не получает автоматического международного действия. Возникает риск конкурирующих обязанностей: одна юрисдикция требует прекратить процесс, другая защищает договорённость о его проведении. Это не логическая ошибка одного документа, а конфликт притязаний разных правопорядков на регулирование поведения сторон.

Для кредитора и должника значение имеет расположение имущества, поскольку именно оно способно придать одному из конкурирующих распоряжений практическое преимущество. Однако такой экономический эффект не равнозначен международному признанию юрисдикционного основания. Победа в национальном процессе может оказаться локально действенной и одновременно неприемлемой для исполнения в другой стране. Аналитическая оценка поэтому должна отдельно фиксировать содержание запрета, условия денежной санкции и доказанные последствия, не объединяя их в одно утверждение о всеобщем действии российского решения.

15. «Уралтрансмаш»: мотивировка и фактический исход

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 9 декабря 2021 года № 309-ЭС 21-6955(1-3) по делу № А 60-36897/2020 является важным актом о применении санкционной юрисдикционной конструкции. Спор касался требования «Уралтрансмаша» запретить продолжение разбирательства с PESA в Стокгольмском арбитраже. Нижестоящие суды исходили из недоказанности препятствий: российская сторона фактически участвовала в арбитражном процессе. Верховный суд не согласился с таким пониманием значения ограничительных мер. [9]

В мотивировке определения сам факт применения ограничительных мер к российскому участнику соответствующего иностранного арбитражного спора рассматривается как достаточный для вывода об ограничении доступа к правосудию; обязательное доказывание фактических препятствий не требуется. Это усиливает защитную функцию статей 248.1 и 248.2 по сравнению с подходом нижестоящих судов, придававших решающее значение фактическому участию заявителя в арбитраже. Вместе с тем содержание позиции следует описывать применительно к рассмотренной правовой конструкции. Решение не устанавливает международной обязанности иностранных судов принять российское понимание компетенции и не отменяет применимые за рубежом правила. [9]

Особенно существенно отделить мотивировку от резолютивного результата. Верховный суд отменил нижестоящие акты, но отказал в заявлении о запрете продолжать арбитраж, поскольку к моменту рассмотрения разбирательство уже завершилось. Не было оснований исходить из того, что иностранная сторона ещё может прекратить продолжающийся процесс. Соответственно, представление этого дела как простого примера удовлетворённого антиискового запрета было бы фактически неверным. Оно демонстрирует изменение правового подхода при ином конечном исходе. [9]

Такое различие важно и для количественного исследования. Если кодировать дело только по отмене нижестоящего акта, можно ошибочно отнести его к успешной защите заявителя. Если учитывать лишь окончательный отказ, теряется нормативное значение мотивировки. Корректная аналитическая запись должна отражать оба элемента: позицию о санкциях и причине отказа в конкретной мере. Это пример того, почему агрегированная статистика исходов не заменяет чтение решений, особенно при исследовании институциональных изменений.

Дело относится к предотвращению или прекращению иностранного арбитражного процесса, а не к обычному признанию уже вынесенного государственного судебного решения. Его включение в доклад обосновано связью с последующим обращением результатов и конфликтом компетенции. Однако перенос выводов на все стадии и виды производств был бы чрезмерным. Из акта можно установить содержание российской защитной позиции; нельзя вывести ни универсальный отказ в иностранных решениях, ни общую вероятность

исполнения, ни неизбежную недобросовестность каждого иностранного органа разрешения споров.

16. UniCredit: договорная юрисдикция и пределы защиты

В деле *UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC* Верховный суд Великобритании рассмотрел компетенцию английского суда выдать запрет, направленный на соблюдение арбитражных соглашений с местом арбитража в Париже. Гарантии подчинялись английскому праву, а споры были переданы в арбитраж. Решение об отклонении жалобы объявлено 23 апреля 2024 года; мотивы опубликованы 18 сентября 2024 года как [2024] UKSC 30. Различие этих дат важно для точного описания процессуальной истории. [10]

Суд исходил из применявшихся тогда английских коллизионных правил и связи арбитражного соглашения с правом основного договора. Он также оценивал, является ли английский суд подходящим местом для соответствующей защиты. Это решение не означает, что любой иностранный арбитраж может безусловно получить английский антиисковой запрет. Вывод обусловлен применимым правом, соглашением сторон и обстоятельствами компетенции. Суд не разрешал в этом акте все вопросы существования и размера долга по гарантиям. [10]

Последующее развитие показало практическую ограниченность первоначального результата. В решении [2025] EWCA Civ 99 Апелляционный суд описал российское распоряжение, обязывавшее UniCredit добиваться прекращения действия английского запрета под угрозой значительной денежной санкции. Сам банк обратился за изменением полученной им защиты. Английский суд удовлетворил просьбу в отношении запретительных частей своего распоряжения, сохранив различие между изменением продолжающейся меры и пересмотром уже установленных юрисдикционных выводов. [11]

Это не пример признания английским судом правильности российского решения по существу. Апелляционный суд оценивал собственную продолжающуюся меру и изменившиеся обстоятельства, включая положение лица, в пользу которого она была выдана. Дело показывает, что судебная защита может утратить практическую полезность для победившей стороны вследствие конкурирующего принуждения в другой юрисдикции. Формальная обязательность одного распоряжения не гарантирует достаточных средств повлиять на поведение его адресата за рубежом. [11]

Для среза 2026 года необходима дополнительная оговорка: *Arbitration Act 2025* ввёл новое правило о праве, применимом к арбитражному соглашению. При отсутствии прямого выбора такого права используется право места арбитража; выбор права основного договора сам по себе не считается прямым выбором права арбитражного соглашения. Применение реформы подчинено переходным положениям. Поэтому коллизионную часть *UniCredit* нельзя механически выдавать за неизменное правило для каждого нового дела 2026 года. [12]

17. ЕС: расширение запрета признания в июле 2026 года

Регламент Совета ЕС 2026/1848 от 23 июля 2026 года заменил пункт 1 статьи 11с Регламента № 833/2014. Новая формулировка охватывает не только акты, основанные на статьях 248.1 и 248.2 АПК РФ или эквивалентном законодательстве, но и определённые решения российских судов или органов, вынесенные на основании иных норм российского права. Тем самым формальная смена правового основания российского требования не является достаточной для вывода, что специальный запрет ЕС неприменим. [13, ст. 1(27)]

Предмет запрета описан широко: судебные и административные решения, устанавливающие ответственность либо прямо или косвенно придающие действие требованию, праву или предполагаемому обязательству против охватываемого лица. Текст специально включает контекст несостоятельности, банкротства, реструктуризации и аналогичных производств. Но эта широта не безусловна: сохраняется связь с договором или сделкой, исполнение которых прямо или косвенно, полностью или частично затронуто мерами соответствующего Регламента. [13]

Персональный охват также ограничен ссылкой на статью 13(c) и (d) Регламента № 833/2014. Речь идёт об определённых физических и юридических лицах, связанных с государствами-членами в смысле этих положений, а не о любом возможном ответчике. Поэтому национальность истца, российское происхождение решения или упоминание санкций в мотивировке по отдельности не исчерпывают юридическую квалификацию. Необходимо установить совокупность предусмотренных условий. Расширение нормы не отменяет обязанности мотивированно объяснить её применимость. [13]

Регламент 2026/1844 того же дня ввёл статью 11с в Регламент № 269/2014. Она содержит сопоставимую конструкцию применительно к мерам этого режима и лицам, указанным в статье 17(c) и (d). Для анализа важно указывать оба инструмента: санкционные отношения могут затрагивать разные запреты, а сходство формулировок не делает номера и персональные отсылки взаимозаменяемыми. Указание лишь на общий «санкционный запрет ЕС» скрывает правовое основание и мешает проверить вывод. [14, ст. 1(4)]

Юридическое следствие при наличии условий сформулировано как запрет признания, придания действия и исполнения в государстве-члене. Оно не сводится к отказу в конкретном исполнительном способе и не аннулирует российский акт в государстве происхождения. Получается территориальная несовместимость последствий: решение продолжает существовать в одном правовом порядке, но определённые его эффекты исключаются в другом. Это более точное описание нового положения, чем тезис о потере юридической силы всех российских судебных решений.

18. Санкционная связь и защита от обхода

Расширение статьи 11с требует анализа содержания правоотношения. Судебное требование может быть оформлено как договорный долг, убытки, неосновательное обогащение или иной вид ответственности. Для специального запрета важна не только выбранная истцом правовая квалификация, но и предусмотренная нормой связь с затронутым санкциями исполнением договора или сделки. Вместе с тем такая связь не предполагается автоматически для любых отношений с российским участником. Иначе условия нормы утратили бы самостоятельное значение. [13-14]

Упоминание косвенных последствий и банкротных процедур затрудняет использование промежуточных конструкций для получения результата, который нельзя реализовать напрямую. Но отсюда не следует, что любое требование в российском банкротстве запрещено к признанию в ЕС. Требуются соответствующий акт, охватываемое лицо и санкционная связь. Кроме того, Гагская конвенция 2019 года исключает несостоятельность из собственной сферы. Одновременное существование двух ограничений не позволяет смешивать их основания и выдавать санкционный анализ за полный режим признания банкротств. [2, ст. 2; 13-14]

Изменения Регламента № 833/2014 затрагивают и защитные судебные средства. Обновлённая статья 11са предусматривает при установленных обстоятельствах право охватываемого лица обратиться в компетентный суд государства-члена в связи с российским производством по санкционно затронутым отношениям. Это отдельная конструкция от отказа в признании. Наличие права требовать судебную защиту не доказывает, что такая защита уже предоставлена в конкретном деле, а существование правовой нормы не подтверждает успешность её исполнения за рубежом. [13, ст. 1(28)]

Такая система создаёт риск нескольких самостоятельных денежных требований вокруг одного экономического конфликта. Первоначальный долг, убытки от иностранного процесса и сумма за нарушение запрета могут иметь разные основания, адресатов и территориальные перспективы. Их нельзя складывать как уже реализованный ущерб или считать взаимно погашенными без соответствующего правового основания. Для оценки положения сторон необходима индивидуальная квалификация каждой суммы, включая возможность оспаривания и фактическую доступность активов.

Содержательный вывод нового среза состоит в усилении нормативной защиты европейского санкционного режима от внешних судебных последствий. Однако это не устраняет общий вопрос о справедливости конкретного исходного процесса и не делает все возражения должника санкционными. В обычном коммерческом споре вне условий специальной нормы продолжают иметь значение надлежащее извещение, международная компетенция, окончательность решения и другие применимые критерии. Правовая фрагментация остаётся адресной, хотя круг охватываемых ею конструкций расширился.

19. Euroclear: развитие спора в 2026 году

Предшествующая работа ARGА рассматривала иск Банка России к Euroclear как пример расширения российского имущественного конфликта за пределы обычных коммерческих требований. Для нового среза доступны последующие сообщения самого Euroclear. В заявлении от 18 мая 2026 года компания сообщила о решении московского суда в пользу Банка России. В публикации результатов первого полугодия она указала дату решения - 15 мая 2026 года - и сообщила об отклонении апелляции 16 июля 2026 года. [1, 15-16]

Эти сведения позволяют обновить процессуальную хронологию, но имеют определённый доказательственный статус. Euroclear является стороной конфликта. Его сообщение представляет первичный источник собственной публичной позиции и сообщаемых компанией процессуальных событий; оно не заменяет полный мотивированный судебный акт. Поэтому оценки компании о необоснованности иска, непризнании юрисдикции и невозможности признания требований по праву ЕС не излагаются здесь как вывод независимого суда. Отдельно устанавливаемое содержание европейских норм рассматривается в предыдущих разделах. [15-16]

Полная мотивировка российского решения не входит в проверенную базу настоящего доклада. Вследствие этого исследование не приписывает суду конкретные выводы о составе убытков, причинной связи или применении каждой спорной нормы. Также не утверждается исчерпание всех возможных стадий обжалования только на основании сообщения об апелляционном результате. Такая граница позволяет описать существенное развитие дела без превращения корпоративного пресс-релиза в замену судебного решения и без предположений о закрытых материалах.

В майском сообщении Euroclear указывал, что соответствующие активы Банка России остаются имобилизованными в соответствии с санкциями. Для настоящего исследования это иллюстрирует различие между национальным присуждением и фактическим распоряжением активами за рубежом. Оно не доказывает, что российское решение вообще не может иметь имущественных последствий ни в одной стране. Вопрос об исполнении в третьем государстве требует собственного основания признания, анализа имущественных прав и применимых ограничений. [15]

Значение дела заключается в соединении нескольких уровней: ответственности депозитария, санкционного режима, статуса активов центрального банка и конкурирующих территориальных механизмов защиты. Объединять их в простую схему взыскания замороженной суммы было бы неверно. Банк России как истец и Российская Федерация как государство также не должны автоматически обозначаться одним процессуальным субъектом. Точная идентификация стороны, должника и имущества определяет юридическую структуру спора даже при его очевидном политическом и экономическом значении.

20. Имущество, иммунитет и права третьих лиц

Определение имущества, на которое предполагается обратить взыскание, является отдельной правовой задачей. Решение против юридического лица не устанавливает автоматически принадлежность ему любого актива, связанного с его группой. Банковский счёт может отражать собственные средства, клиентские позиции либо права с особым режимом. Участие посредника в хранении активов не означает, что все отражённые в его системе ценности принадлежат ему как должнику. Для вывода об объекте взыскания необходима юридическая квалификация соответствующего имущественного права.

Иммунитет представляет самостоятельный предел. Гаагская конвенция 2019 года прямо сохраняет привилегии и иммунитеты государств и международных организаций в отношении них самих и их имущества. Участие государства в коммерческом споре не позволяет из одного этого факта вывести допустимость любой исполнительной меры. Различаются полномочия суда рассматривать требование и возможность принудительного воздействия на определённое имущество. Конкретный объём защиты определяется применимым правом, характером актива и установленными исключениями. [2, ст. 2(4)-(5)]

Права третьих лиц не исчезают после признания решения. Собственник имущества, залогодержатель или иной обладатель приоритетного права может иметь самостоятельную защиту, не совпадающую с возражениями должника против исходного требования. Поэтому признание не служит универсальным подтверждением возможности взыскать именно выбранный актив. Если первоначальный процесс не разрешал вопрос о праве третьего лица, нельзя автоматически считать такой вопрос уже рассмотренным только из-за наличия окончательного решения о денежном долге.

Обеспечительные меры имеют иную цель: сохранить возможность будущего исполнения, а не окончательно распределить имущество. Конвенция 2019 года исключает временную обеспечительную меру из определения решения; Конвенция 2005 года отдельно оставляет обеспечительные меры вне своего регулирования. Внутренние и международные основания их применения могут существовать, но они устанавливаются самостоятельно. Следовательно, иностранный арест не получает конвенционного обращения по тем же правилам, что и решение по существу, исключительно вследствие общего происхождения из суда. [2, ст. 3; 4, ст. 7]

Экономический эффект взыскания зависит от сочетания этих ограничений. Высокая присуждённая сумма при отсутствии доступных активов может иметь меньшую практическую ценность, чем умеренное требование с ясным объектом исполнения. Это аналитическое наблюдение не является оценкой конкретного баланса компании и не позволяет рассчитывать процент ожидаемого возврата без данных. Оно объясняет, почему правовой доклад должен сохранять различие между объёмом признанного обязательства и реально достижимым имущественным результатом.

21. Документы и доказуемость условий признания

Гаагская конвенция 2019 года определяет базовые документы для признания: полную заверенную копию решения, подтверждение его действия или исполнимости и, при заочном рассмотрении, документы об извещении. В предусмотренных случаях требуются материалы о судебном мировом соглашении и перевод. Если содержание решения не позволяет проверить условия, суд вправе запросить дополнительные необходимые документы. Эти требования обеспечивают проверку юридических предпосылок, а не являются отдельной оценкой убедительности материального иска. [2, ст. 12]

Не всякая копия из открытой базы равнозначна документу, необходимому для производства. Публичный текст полезен для исследования, но процессуальный режим может требовать подтверждения подлинности, полноты и текущего статуса. Особенно значимы сведения о последующем изменении или отмене решения. Дата первоначальной публикации не доказывает его действительность на момент обращения за исполнением. Аналитическое досье и процессуальный комплект могут пересекаться по содержанию, оставаясь различными по требованиям к доказательственной форме.

Перевод должен сохранять правовую функцию терминов. Российский «арбитражный суд» нельзя переводить так, чтобы он выглядел частным арбитражным трибуналом. «Вступление в законную силу», «исполнимость» и «окончателность» также не являются полностью взаимозаменяемыми выражениями. Неправильный перевод способен создать ложное впечатление о компетенции органа или стадии дела. В международном обращении акта языковая точность становится частью юридической квалификации, а не только редакционным вопросом.

Санкционный анализ добавляет собственную доказательственную задачу: установить защищаемое лицо, соответствующий договор или сделку и влияние мер конкретного регламента. Само совпадение названия компании с санкционным перечнем не раскрывает содержание спора. И наоборот, отсутствие персонального включения стороны в список не исключает влияния секторального запрета на исполнение договора. Поэтому материалы о санкционной связи должны соотноситься с условиями нормы, на которую ссылаются, а не с общим представлением о рискованной юрисдикции. [13-14]

Качество доказательственного анализа определяется возможностью проверить переход от документа к выводу. Судебный акт подтверждает содержащуюся в нём позицию суда; сообщение участника - его заявление; нормативный текст - наличие соответствующего правила. Ни один из этих источников по отдельности не подтверждает все факты трансграничного конфликта. Для настоящего исследования такая дисциплина особенно важна там, где предмет публично обсуждается через крупные суммы, политические оценки и предположения о будущих способах взыскания.

22. Сопоставление правовых ситуаций

Первая аналитическая ситуация - обычное договорное решение суда государства-члена ЕС, подлежащее исполнению в другом государстве-члене в сфере Регламента № 1215/2012. Отправной точкой является специальный европейский режим без предварительного объявления исполнимости. Возражения должника рассматриваются в установленных пределах. Наличие иностранного элемента здесь не требует доказывать универсальный принцип взаимности. Однако остаются вопросы документов, предусмотренных оснований отказа и национальной процедуры фактического исполнения. [5]

Вторая ситуация - решение английского суда по производству, начатому после 1 июля 2025 года, исполнение которого предполагается в государстве, связанном с Великобританией Конвенцией 2019 года. Здесь проверяются временная и предметная сфера, юрисдикционный фильтр и основания отказа. Если процесс начат раньше, одна только дата решения в 2026 году не открывает этот путь. Возможность иного основания сохраняется, но требует самостоятельного анализа. Так различие в одном временном факте меняет юридическую архитектуру обращения решения. [2-3]

Третья ситуация - иностранное решение против российского участника, затронутого санкциями. Российская проверка включает главу 31 АПК РФ и релевантность статьи 248.1, в том числе её части 5. Активное возражение против иностранного разбирательства и предъявление собственного иска за рубежом могут иметь разное значение. Даже когда специальное препятствие отсутствует, сохраняются другие основания отказа. Поэтому юридический результат нельзя определить только по наличию санкций или государству происхождения акта. [6]

Четвёртая ситуация - российское решение по санкционно затронутому договору против лица, охватываемого европейской нормой о непризнании. Здесь специальный запрет ЕС может исключить признание и исполнение независимо от того, использован ли в российском акте прямой заголовок статьи 248.1. Но при отсутствии предусмотренной персональной или предметной связи нельзя автоматически распространить этот вывод на другой российский коммерческий спор. Различие основано на содержании нормы, а не на благоприятной либо неблагоприятной оценке сторон. [13-14]

Приведённые ситуации являются сравнительными правовыми моделями, а не описанием дополнительных судебных дел. Их сопоставление показывает, что одинаковое слово «признание» охватывает разные механизмы. Общими остаются необходимость определить действующий режим, пределы контроля и имущественный объект; различаются основания международного обращения, временные условия и специальные запреты. Это позволяет оценивать правовую предсказуемость точнее, чем ранжирование государств по единому недифференцированному показателю благоприятности исполнения.

23. Контраргументы и пределы вывода о фрагментации

Сильный контраргумент против тезиса о разрушении международного обращения решений состоит в расширении Гаагской конвенции 2019 года. Возникают новые договорные направления, а общий принцип ограниченного контроля сохраняется. Этот факт несовместим с описанием всей системы как прекратившей функционировать. Более точен вывод о неравномерном развитии: для части обычных коммерческих споров доступность договорного признания повышается, тогда как определённые санкционные конфликты сталкиваются с дополнительными нормативными барьерами. [2-3, 13-14]

Другой контраргумент относится к правомерности отказов. Защита от ненадлежащего извещения, коррупции или нарушения исключительной компетенции не является сама по себе политической селекцией. Международные инструменты прямо предусматривают основания отказа. Чтобы квалифицировать конкретный подход как чрезмерный или дискриминационный, необходимо показать, как фактически применено основание и почему вывод не соответствует его условиям. Наличие отказа в деле с иностранной стороной ещё не доказывает инструментализацию процедуры признания. [2, 5-8]

В пользу критического отношения к расширению национальной защитной юрисдикции говорит риск отрицания согласованного сторонами форума и возникновения несовместимых распоряжений. В ответ может приводиться довод о реальных санкционных препятствиях доступу к правосудию. Оба аргумента требуют конкретизации: действительность договорённости не устраняет фактического лишения защиты, а санкционный контекст не доказывает такое лишение во всех случаях. Дела «Уралтрансмаш» и UniCredit показывают разные способы юридического разрешения этой напряжённости и пределы их трансграничной эффективности. [9-11]

Недостаточна и причинная модель, объясняющая любое сокращение числа дел исключительно недоверием к судам. Изменение структуры торговли, состава должников и доступных активов способно повлиять на поток заявлений независимо от качества правосудия. Вместе с тем наличие этих альтернатив не опровергает влияния санкционного конфликта: оно лишь ограничивает то, что можно доказать агрегированными данными. Для нормативного вывода достаточно установленного изменения закона; для количественного причинного вывода требуются дополнительные наблюдения и сопоставимая методика.

Итоговая оценка фрагментации опирается прежде всего на документированные различия правовых последствий и конкурирующие меры, а не на неподтверждённый общий процент отказов. Такой вывод устойчивее, потому что сохраняет возможность успешного признания в обычных случаях и допускает правомерность отдельных отказов. Он не утверждает моральной или процессуальной эквивалентности всех национальных подходов. Каждая норма и каждое решение оцениваются по собственному содержанию, сфере действия и подтверждённым последствиям.

24. Заключение

Новый срез подтверждает необходимость рассматривать международное обращение судебных решений как совокупность юридически различных направлений. Расширение Гаагской конвенции 2019 года и развитие британского участия повышают значение единых договорных условий для охватываемых новых производств. Однако предметные исключения, временные правила и сохранение национальных процедур препятствуют выводу о появлении универсального механизма исполнения. Успех одного требования не является переносимым доказательством исполнимости другого без проверки его правовой структуры. [2-5]

Для российского направления центральным остаётся взаимодействие обычных оснований признания со специальной санкционной компетенцией. Статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ создают значимые средства защиты, но не устанавливают простой всеобщий запрет иностранных решений. Их международные последствия определяются за пределами России соответствующими иностранными режимами. Правовые позиции высших судов требуют чтения вместе с резолютивной частью и последующими актами: иначе исследование переоценивает как полученную защиту, так и устойчивость судебного результата. [6, 9-11]

Июльские изменения ЕС 2026 года расширяют предмет специального непризнания российских актов по охватываемым санкционным отношениям. Новые формулировки затрагивают судебные и административные решения, различные основания ответственности и отдельные последствия банкротных процедур. При этом персональные и предметные условия продолжают ограничивать запрет. Для профессионального анализа существенна именно эта комбинация расширения и ограничений, а не политически выразительная, но юридически неточная формула о непризнании всех актов определённого государства. [13-14]

Развитие спора Банка России с Euroclear показывает, насколько важно различать процессуальное событие, позицию участника и проверенное содержание решения. Публичные сообщения позволяют обновить хронологию 2026 года, но не дают основания реконструировать недоступную мотивировку либо объявить завершёнными все вопросы международного взыскания. Этот предел доказательной базы относится к конкретному кейсу и не отменяет самостоятельного анализа действующих норм, регулирующих обращение соответствующих судебных последствий. [15-16]

Основной результат обновления - более точное описание условий правовой переносимости судебного решения. Международная компетенция, справедливость процедуры, временная применимость, специальные запреты и правовой режим имущества образуют взаимосвязанные, но самостоятельные элементы. Достоверное заключение возникает из их последовательного анализа. На доступных материалах можно обоснованно установить усиление санкционной фрагментации отдельных направлений; нельзя вывести достоверную общую статистическую вероятность признания или отождествить выигранный процесс с фактически полученным исполнением.

25. Источники

- [1] Храбрых С. Политико-правовая трансформация признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений в Российской Федерации (2019-2025). *Observatoire ARGA*, 16.12.2025. Предшествующее исследование, с. 3-8.
[ARGA: исходная публикация 2019–2025](#)
- [2] Гагская конвенция от 02.07.2019 о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или коммерческим делам. Статьи 1-16, 23, 29.
[НССН: текст Конвенции 2019 года](#)
- [3] НССН. Статусная таблица Конвенции 2019 года: даты вступления в силу и сведения о подписании.
[НССН: статус Конвенции 2019 года](#)
- [4] Гагская конвенция от 30.06.2005 о соглашениях о выборе суда. Статьи 1-9, 13, 16.
[НССН: текст Конвенции 2005 года](#)
- [5] Регламент (ЕС) № 1215/2012 от 12.12.2012 о юрисдикции, признании и исполнении решений по гражданским и коммерческим делам. Статьи 1, 36, 39, 42-46, 52-54.
[EUR-Lex: Регламент № 1215/2012](#)
- [6] Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Редакция от 15.12.2025, изменения в силе с 01.01.2026. Глава 31, статьи 248.1-248.2. Текст нормативного акта в СПС «КонсультантПлюс».
[АПК РФ: текст нормативного акта](#)
- [7] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом». Пункты 1-5 и положения о международной компетенции.
[Верховный суд РФ: постановление № 23](#)
- [8] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156. Обзор практики применения оговорки о публичном порядке. Пункты 1-5, 10-12.
[Архив ВАС РФ: информационное письмо № 156](#)
- [9] Определение СКЭС Верховного суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС 21-6955(1-3), дело № А 60-36897/2020, «Уралтрансмаш» / PESA. Полный текст судебного акта в СПС «Гарант».
[Верховный суд РФ: полный текст определения](#)
- [10] UK Supreme Court. UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC [2024] UKSC 30. Мотивы от 18.09.2024; решение объявлено 23.04.2024. Пункты 1-7, 20-27, 61-95.
[UK Supreme Court: полный текст решения](#)
- [11] Court of Appeal. UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC [2025] EWCA Civ 99, 11.02.2025. Пункты 1-6, 18-24, 35-45.
[Courts and Tribunals Judiciary: решение](#)
- [12] Arbitration Act 2025, с. 4. Разделы 1 и 17; новая статья 6A Arbitration Act 1996 и переходные положения.
[legislation.gov.uk: Arbitration Act 2025](#)
- [13] Регламент Совета (ЕС) 2026/1848 от 23.07.2026, изменяющий Регламент № 833/2014. Статья 1(27)-(28): статьи 11с(1) и 11са.
[EUR-Lex: Регламент 2026/1848](#)
- [14] Регламент Совета (ЕС) 2026/1844 от 23.07.2026, изменяющий Регламент № 269/2014. Статья 1(4): новая статья 11с; статья 2.
[EUR-Lex: Регламент 2026/1844](#)
- [15] Euroclear. Update on Russian sanctioned assets - May 2026, 18.05.2026. Публичное сообщение стороны спора.
[Euroclear: сообщение от 18 мая 2026 года](#)

[16] Euroclear. Euroclear delivers sustained growth across core activities in H1 2026. Раздел о российском процессе: события 15.05.2026 и 16.07.2026. Публичное сообщение стороны спора.

[Euroclear: результаты первого полугодия 2026 года](#)

[17] Ministry of Justice. Cross-border civil and commercial legal cases: guidance for legal professionals. Раздел 1: Англия и Уэльс, переходные дела после Brexit.

[GOV.UK: переходные правила](#)

[18] Нью-Йоркская конвенция от 10.06.1958 о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Статьи I-VII.

[Нью-Йоркская конвенция: текст](#)

[19] Гаагская конвенция от 15.11.1965 о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам. Статьи 1-6, 8-10, 15-16.

[НССН: Конвенция о вручении документов](#)

[20] UK Supreme Court. Rubin v Eurofinance SA; New Cap Reinsurance Corporation v Grant [2012] UKSC 46, 24.10.2012. Пункты 9-16, 115-132, 143-167.

[UK Supreme Court: Rubin / New Cap](#)